

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КУЛЬТУРА
РУССКОГО СЕВЕРА

1246384

ВОЛОГДА
1994

²⁷ ГААО. Ф. 29. Д. 64. Л. 199-203. Краткое историческое описание... Вып. I. С. 286.

²⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 176. Л. 17-17 об.

²⁹ Краткое историческое описание..., Вып. III. С. 233-242.

³⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 177, 187; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4013. Л. 1-33; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390; РГИА. Ф. 796. Оп. 58. Д. 26. Краткое историческое описание... Вып. I — III; Архангельская губерния по статистическому описанию...

³¹ Сложную и самостоятельную проблему представляет численность раскольников в приходах. В некоторых из них складывалась система сокрытия и утаивания данных о раскольниках. Не затрагивая здесь эту тему, ограничимся лишь указанием на необходимость ее углубленного изучения.

³² ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 155-164; ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 88 об.; Д. 469. Д. 351, 469.

³³ ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 58-63, 175-190 об.; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 346-375 об., 429-448, 634-662.

³⁴ Вологодский епископ Амвросий в 1737 г. запретил женить раньше 15 лет, выдавать замуж раньше 13 лет. — ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 793. Л. 71. О. Б. Кох установила, что среди крестьян Подвилья наиболее распространенными были браки с 17-18 лет и старше. — Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII века // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России. Сыктывкар, 1980. С. 138.

³⁵ О положении таких групп прихожан имеются интересные наблюдения. — Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX веке. М., 1986; Он же. Мир русской деревни. М., 1991.

³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3827; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390, 469, 754; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 514; 2. Л. 204-211.

³⁷ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. С. 102-106.

³⁸ ПСЗ. Т. 1. №412.

³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3827; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1929.

⁴⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. №756.

⁴¹ ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2. Л. 8-10 об.

С. В. Жарникова

ОБРАЗЫ ВОДОПЛАВАЮЩИХ ПТИЦ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ (истоки и генезис)

Образы водоплавающих птиц — уток, гусей и лебедей — играют в русской фольклорной традиции исключительную роль. Зачастую именно утица, лебедь или гусь маркируют собой сферу сакрального в обрядовых песнях календарного цикла. Так, «уточка полевая» или

«утка луговая» — характерные персонажи песен масленицы — праздника, связанного с культом предков и заклинанием плодородия грядущего земледельческого года. В одной из масленичных песен масленицу называют «белой уткой», в другой, сибирской, «гуслянью» масленицу провожают своими криками летящие гуси, в третьей — веселыми криками призывают ее, когда до масленицы остается один день¹. Но в действительности в это время на данных территориях нет и не может быть гусей, — их весенний прилет происходит значительно позднее, так же, как нет и не может быть гусей-лебедей перед Рождеством. Однако в песне, записанной П. В. Шейном в Псковской губернии, поется:

Приходила Коляда наперед Рождества,
Виноградье красно-зеленое мое!
Напала пороша снегу беленького:
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели — коледовщики, недоросточки².

Ей вторит виноградье из деревни Евсеевская Тарногского района Вологодской области, записанное Д. М. Балашовым, Ю. И. Марченко и Н. И. Калмыковой:

Щче-то припевка про гуся, ой
С виноградьем да и вся, да
Виноградиё, ой
Красно-зеленовоё³.

В волчебных песнях, имевших также ритуальное значение и считавшихся способом магического подчинения человеку сил природы, довольно часто фигурируют гуси-лебеди. Так, в одной из песен, записанных П. В. Шейном в Псковской губернии, есть исключительно интересное противопоставление:

Не гуси летят, не лебеди,
Христос воскрес на весь свет!

Имеет смысл в этой связи вспомнить, что и колядовщики, и волчебники воспринимались в народной традиции как воплощение душ предков, которым подавалось ритуальное подаяние, и связь их с гусями-лебедями, судя по всему, была не случайной. Об этом свидетельст-

вует концовка зачина вышецитированной волочебной песни Псковщины:

Не гуси летят, не лебеди —
Христос воскрес на весь свет!
Идут-бредут волочебники,
Волочебники-полуночники⁴.

О связи водоплавающих птиц с тем светом, со смертью свидетельствуют также русские народные загадки:

На море, на окияне,
На острове Буяне
Сидит птица Юстрица;
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала, всего много едала,
Видала царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в келье, дитя в колыбели,
А того не едала, что чего в море
недостала.

(Смерть)

Сидит утка на плоту,
Хвалится казаку:
Никто меня не пройдет,
Ни царь, ни царица,
Ни красна девица.

(Смерть)

В таком последнем весеннем обряде, как «Похороны Костромы», также целиком связанным с заклинанием плодородия, обращением к предкам — подателям плодородия, во Владимирской губернии к главному персонажу обряда обращались следующим образом:

Костромушка моя, Костромушка,
Моя белая лебедушка.
У моей ли Костромы много золота-казны,
Костромушка-Кострома, лебедушка-лебеда!⁵

В песнях святочных гаданий, предвещающих свадьбу, именно гуси-лебеди летят через сад-виноград ироняют золотые обручальные кольца⁶. Особенно широко распространены образы серых гусей и белых лебедей в русских народных свадебных песнях, где постоянно сравнение невесты с «лебедью белой», плавающей по «морю Хвалынскому», по «Дунаю», восклицающей «на тихих заводях», «отстающей

от стада лебединого», с серой утицей или с павой, которая, судя по всему, также мыслилась в русской народной традиции водоплавающей птицей (утицей или лебедью). О том, что пава и лебедь в народном представлении одно и то же и что образ павы имеет мало общего с павлинами, свидетельствует песня, записанная в 1958 году в Архангельской области, т.е. там, где, как в бывшей Вологодской губернии было широко распространено изображение пав на свадебных полотенцах, сарафанах, подолах рубах:

Что на тихой на тишине,
Да на тихой лебединою
Да тут не паванька плавала,
Да не пава перья ронила...⁷

В то же время жених, как правило, сравнивается с серым гусем. Интересно, что стадо гусей, к которому принадлежит гусь-жених, связано в одной из песен свадебного цикла, записанной в 1929 году в Архангельской области, со следующим кругом образов:

Из-за гор, гор высоких,
Да из-за лесу, лесу темного,
Да из-за садику зеленого.
Из-за садику зеленого,
Да из-за моря, моря синего,
Да поднималась туча грозная,
Да со громами со громучима,
Да с молоньми со палючима,
С молоньми со палючима,
Да с крупным-то частым дождиком,
Со крупным-то частым дождиком,
Да с бурею — со падерой,
Да со тяжкой-то заметелицей.
Да из-под той-то тучи грозной
До из-под той-то непроносной
Вылетало-то стадо гусей
Да стало гусей — серых утичек.
Да во черных гусях — серых утицах.
Во черных гусях — серых утицах,
Да замешалась лебедь белая...⁸

В этой свадебной песне имеется полный набор сакральных символов пространства и природных стихий. В пространственные характеристики включаются и горы, и лес, и сад зеленый, и море синее, т.е. все то, с чем в песнях свадебного цикла связано продвижение свадебного поезда, переход из одного рода в другой, смена невестой своего социального статуса. Гусиное стадо, членом которого является жених, соотнесено в этой песне с целым комплексом природных явлений, сакральный характер которых очевиден. Это одновременно и крупный частый дождичек, и буря, и «грома громучие», и «молоны палючие», и метель, которые приносит с собой гусиное стадо в образе «гучи грозной». Гуси — туча, гром, молнии, буря — взаимосвязаны.

Можно предположить, что столь серьезное отношение к образам гусей-лебедей в народной песенной традиции, имеющее достаточно аналогов в русских народных сказках, может быть объяснено тем, что эти образы сложились в глубочайшей языческой древности. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Еще на праславянских укращениях встречаются многочисленные изображения лебедей. Они расположены по сторонам женской фигуры с поднятыми руками на бронзовом браслете VII в. до н.э. из клада в Радолинеке близ Познани. На древнеславянских зольниках, местах ритуальных костров, археологи находят вырытые в земле гигантские фигуры лебедей. Древнегреческая мифология связывает лебедей — священных птиц Аполлона — с северной окраиной Ойкумены, куда они ежегодно уносили бога к берегам холодного Кронийского океана, в земли гипербореев. Вероятно, прав Б. А. Рыбаков, считая, что «солнечных лебедей праславянского мира мы должны рассматривать не как механическое заимствование античного мифа, а как соучастие северных племен в каком-то общем (может быть, индоевропейском) мифотворчестве, связанном с солнцем и солнечным божеством»⁹. Он отмечает также, что образ женщины, воздевшей руки к небу, с птицами-утицами по сторонам, очень архаичный, дожил в северорусской вышивке до конца XIX века¹⁰. Привески в виде утицы, гуся и лебедя доживаю в славянской традиции до XII в. А. В. Чернецов отмечает, что «образы двух птиц наряду с растительным декором (чаще всего по сторонам деревца) — это традиционная в древнерусском искусстве идеограмма райского сада. Это связано с дохристианским представлением о том, что рай (ирий) — место, куда улетают птицы»¹¹. Что касается ковшей-скопкарей, наливок, чарок, солониц, охлупней изб и т.д. в форме утки-лебедя, то все это сохранялось на Русском Севере вплоть до рубежа XIX- XX веков.

Надо заметить, что в приведенной выше свадебной песне можно найти довольно прозрачную аналогию древнегреческому мифу о браке Зевса и Леды, только там бог-громоверхец, уже обретший антропоморфный облик, в силу своего каприза становится лебедем, а в восточнославянской (конкретно севернорусской) традиции мы сталкиваемся, думается, с более архаическим мифологическим пластом, когда жених и его род — стая гусей и туча, буря, гром, молния одновременно. Таким образом, со стаей гусей, а значит и с самим женихом, ассоциируется весь набор тех сакральных атрибутов, которые станут впоследствии принадлежностью только одного бога-громоверхца — обожествленного неба. Так как, судя по всему, у образов гусей-лебедей общие индоевропейские истоки, необходимо обратиться к древнейшим памятникам индоевропейской мифологии — «Ригведе» и «Авесте», которые, быть может, объяснят нам истоки культовой, обрядовой роли этих птиц в восточнославянской традиции.

Общеизвестно то огромное значение, которое придается гусю-лебедю в индийской мифологии, теологии и натурфилософии, где он — символ солнца, Вселенной, света и неба, вселенской и индивидуальной души, определенного музыкального лада — музыки Вселенной. Ю. А. Рапопорт приводит данные «Чхандогья — упанишады» и «Пуран», где гусь — воплощение высшего существа и Вселенной. Исследователь отмечает, что в хорезмийской концепции происхождения Вселенной есть свидетельство того, что «изначальное божество, заключавшее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы»¹². Имя этого божества, объединяющего в себе мужское и женское начала, небо и землю, огонь и воду, свет и мрак, — Зарван. Но именно Зарваном в согдаических текстах буддийского характера именуется Браhma — творец Вселенной ведического пантеона, которого в легендах нередко олицетворяет гусь, являющийся постоянным спутником Брахмы и его «носителем» — *vahanam*¹³. «Не исключено, — считает исследователь, — что образ водоплавающей птицы отражает представление об изначальности водной стихии, которую в авестийском пантеоне олицетворяла богиня, чье древнейшее имя, как полагают, было скрыто за тройным эпитетом Ардви Суры Анахиты»¹⁴. Здесь уместно также вспомнить о том, что спутником великой водной богини ведической эпохи Сарасвати был гусь, который олицетворял собой всеохватывающее небо¹⁵. Е. Е. Кузьмина также отмечает, что в индоиранской мифологии водоплавающая птица выступала олицетворением и спутницей богини-матери, связанной с водой, которая часто изображалась в виде «мирового дерева» с сидящими на нем птицами,

а пара уток была в фольклоре всех индоевропейских народов символом супружеской любви¹⁶.

Весьма значительную роль играли изображения водоплавающих птиц (уток, гусей, лебедей) в скифском искусстве. Д. С. Раевский отмечает, что эти изображения, как правило, встречаются на предметах явно культового назначения, и образ водоплавающей птицы был в скифском мире устойчивым религиозным символом, а в сценах инвеституры он являлся знаком богоданности царской власти¹⁷.

На вопрос о том, почему именно образ водоплавающей птицы стал в иранской и скифской мифологии образом телесного мира, Д. С. Раевский отвечает, что этот представитель земной фауны обладает способностью передвигаться во всех трех стихиях — по сухе, по воде и, наконец, по воздуху: «Показательно, что в «Ахтараведе» отражено представление о «гройном» или «утроенном» гусе. Это скорее всего также связано с толкованием водоплавающей птицы как символа трех зон мироздания¹⁸. В. И. Коценкова отмечает, что на позднем этапе кобанской культуры (VII — нач. IV вв. до н. э.) на Северном Кавказе появляются многочисленные подвески на длинных цепочках с коньками, оленями, утицами, которые считаются специфическим привнесением скифо-савроматов¹⁹. Эти примеры можно было бы продолжить, но для того, чтобы найти истоки такой древней цивилизации, вероятно, необходимо обратиться к древнейшим изобразительным памятникам, в которых уже в той или иной мере отразилось новое отношение к гусю, утке или лебедю, как к священной птице. Опускаясь в глубь тысячелетий, мы обращаемся к археологическим памятникам эпохи неолита на Севере Европейской части России. Именно здесь на рубеже мезолитической и неолитической поры, в период климатического оптимума голоцена, когда среднелетние температуры были выше современных в среднем на 3-4°C²⁰, а лесная зона вышла на побережье Полярного бассейна, и полоса широколиственных лесов, составляющая сегодня 200-400 км, была равна 1200-1300 км, на скалистых берегах Онежского озера и Белого моря появляются изображения, свидетельствующие о древней сакрализации образов водоплавающих птиц, присутствующих постоянно в сценах, имеющие мифологический ритуальный характер. Это сцены, связанные с оплодотворением, рождением и смертью, небесными светилами — солнцем, луной и звездами. Исключительный интерес представляют композиции, в которых эти птицы связаны с антропоморфными персонажами. Такова распластанная в позе роженицы антропоморфная фигура, нога которой перерастает в тело гуся, и уникальное изображе-

ние огромного (главного в композиции т.н. «Бесовых следков» на Белом море) рогатого фаллического персонажа, большой палец громадной ступни которого соединен с фигурой лося, а мизинец — с группой из трех водоплавающих птиц (гусей или уток). Образ водоплавающей птицы, наряду с образом человека и лося, ведущий в неолитическом пантеоне жителей севера Восточной Европы и зафиксированный в петроглифах Онежского озера и побережья Белого моря, вероятно, вошел в этот пантеон не только потому, что утки-гуси-лебеди могут существовать в трех сферах, но еще и потому, что с их прилетом весной и отлетом осенью приходило и уходило теплое время года. Кроме того, и утки, и гуси, и лебеди именно здесь, на реках и озерах Севера, выводили свое потомство, и именно здесь эти хитрые и осторожные птицы, охота на которых довольно трудна, становились во время линьки совершенно беспомощными и беззащитными.

О том, какое огромное количество водоплавающих птиц слеталось на Русский Север еще в конце XIX в., свидетельствуют многие источники. Так известно, что западная часть южного берега острова Новая Земля (между 71-72° с.ш.) из-за обилия там гусей носила название «Гусиная земля»²¹. На острове Колгуеве (в Баренцевом море) в огромных массах собирались водоплавающие птицы — гуси, утки всевозможных видов, лебеди, которые прилетали с юго-запада в конце июня и оставались до середины сентября. Одна охотничья артель из 10 человек легко могла добыть в период линьки (за месяц) до 3,5 и даже 5 тыс. гусей и лебедей. В XIX в. ежегодно с острова вывозилось 6400 кг перьев и пуха и 12 000 кг лебединых шкур²². Вероятно, именно эти птицы в самое тяжелое время года, в межсезонье весны и лета, были для древних жителей побережья Беломорья, Онежского и других озер и рек Русского Севера основным источником мясной пищи, что сыграло не последнюю роль в сакрализации гуся, утки и лебедя. Вероятно, сохранившаяся у индигирщиков — русских старожилов Устья Индигирки — традиция при добыве линной птицы («гусеванье») оставлять в живых и выпускать на волю последнего гуся, попавшего в сеть, к которому обращались с просьбой на следующий год привести побольше своих товарищей, уходит корнями в глубочайшую неолитическо-мезолитическую древность Восточной Европы. Хотелось бы отметить, что за гусями индигирщики ездили только весной, когда кончались другие припасы. Гусеванье велось только на молодого гуся, и никогда объектом охоты не были гуси с выводками²³. Может быть, потому, что такая жестокая охота была вызвана крайней необходимостью для человека спасать свою жизнь и жизнь своих близких (в противном случае была

бы неизбежной голодной смерть многих), люди, осознавая, что, спасая себя, убивают совершенно беззащитных птиц, чувствовали свою вину перед ними, и потому еще в XIX веке в Каргополье считалось грехом есть гусиное мясо просто так — в обычные дни.

Поклонение священному гусю-лебедю и утке, сложившееся в глубочайшей индоевропейской древности, отразилось в гимнах Ригведы и Авесты, ассоциирующих гуся-лебедя и бога-творца, гуся-лебедя и Вселенную, гуся-лебедя и свет, разум, душу, гуся-лебедя и определенный музыкальный лад — ритм Вселенной. Но и для восточнославянской фольклорной традиции, исследователи которой неоднократно отмечали, что для нее характерна консервацияrudиментов архаичнейших явлений, порой не нашедших отражения даже в Ведах, характерно такое же отношение к гусям-лебедям. И так же, как ведическая традиция связывает водоплавающую птицу с верховным существом — Творцом мира, так и записанная в середине XX в. в Русском Устье космогоническая легенда о сотворении земли связывает образ творца с уткой-гагарой, причем эта легенда удивительно близка к ведическому представлению об акте творения:

«Перво никто не был, ни людей, никого. Был только дух на небесах, и от этого духа основался человек, и он там жил, на небесах. Когда он посмотрел вниз, он увидел море, а на море плавающую утку-гагару». Когда этот дух-человек стал разговаривать с этим гагарой, который тоже был святым, то тот ему рассказал: «Я стал от белой пены, от морского наводнения, а ты от чего стал?» — спрашивает. На что получает ответ: «На небесах есть дух — я от того духа». Дух спросил гагару, где земля. Гагара ответил, что земля глубоко в море, и попробовал ее достать, но ему не хватило силы. Тогда дух дважды прибавил гагаре силу, и он достал на своей спине землю. Эту землю дух раздул по свету, так появились горы, суша и осталось море. Затем дух предложил гагаре строить престолы. Дух стал строить свой, а гагара — свой. Но апостолы, которые появились у них, «чтобы послать куда», сообщили духу, что престол гагары выше, чем престол духа. Дух посыпал к гагаре одного за другим двух апостолов с просьбой строить престол не выше своего, но гагара не согласился. Тогда дух пошел к нему сам и стал просить гагару о том же, но гагара вновь отказал. «Я, — говорит, — землю на то поставил». Дух поспорил с гагарой и, разозлившись, сдул его престол в море, а сам гагара превратился в Сатанаила²⁴. Мы видим в этом тексте и древнее, известное еще Ведам, представление о творении божественного начала из морской пены, появившейся от волнения (пахтания) моря, и христианские привнесения, превра-

тившие святую птицу в Сатану. И так же, как ведическая традиция связывает гуся-лебедя-утку с музыкальным ладом, с сакральными музыкальными ритмами, так и в восточнославянской традиции гуси-лебеди тесно связаны с гуслями (часто крыловидными), с «гусляной» масленицей, с пением. Эта связь хорошо прослеживается в одной из предсвадебных песен — песен девичника, записанной в Архангельской губернии:

Вы где, гуси, были?
Вы где побывали?
Где спали, ночевали?
Мы были у княгини,
Побывали у первобрачной,
Еще что княгиня делает?
Во гусли играет,
Дары снаряжает... ²⁵

Интересно, что в ритуальной народной пляске, сохраняющейся до наших дней на Русском Севере (в частности, в Нюксенском районе Вологодской области), основной шаг (частый, как бы притопывающий по земле) называется «уточка». В такой пляске, благодаря постоянным повторам ритмообразующих движений, создается ощущение некоего пространства-времени, вне контекста обыденности. И здесь вновь хотелось бы обратиться к ведическим аналогиям, где: *hansa* — гусь, лебедь, душа, познавшая высшую истину, высший дух, стихотворный размер; с этим термином связаны и такие понятия, как: *hansa* — *paksa* — крыло лебедя, название определенной позиции руки в ганце, и *hansa pada* — киноварь. Имеет смысл вспомнить, что рабочая часть ткацкого стана, создающая узор ткани, носит название «утка» (уток). В ведической традиции понятие «утка» ткацкого стана связывается с представлением о мироздании, где нить утка, не прерываясь, переплетается с основой и образует узор ткани, в которой основа — субстанционально-качественная (энергетическая) нить, а уток расцвечивает основу природы, осуществляет разнообразие узора ее необъятной, но единой ткани. Зная о том, что в древнейшей традиции музыкальный лад, связанный с гусями-лебедями, творит музыку Космоса, что игра на гусях сравнима в этом мифо-поэтическом ряду с тканьем «мировой гармонии», можно понять, почему автор «Слова о полку Игореве» связывает в единый образ «стадо лебедей», поющих хвалебную песнь старым богатырям и героям, и «живые струны» гусель, по которым

передвигаются пальцы Бояна, как по нитям основы уток, творя «ткань» эпической песни. О единстве понятий «узор ткани» и «узор песни», «ткать ткань» и «слагать песню» свидетельствует другое индийское слово *prastava*, имеющее аналогию в севернорусском диалектном — «прастава», «праставка» (вышитая или заполненная ткацким узором полоса, украшающая рубаху, полотенце и т.д.). Санскритское «*prasiava*» означает «хвалебная песнь»!

О том, что древнейший языческий культ водоплавающей птицы сохранял на Руси свое религиозное значение достаточно долго и был хорошо знаком православному духовенству, свидетельствует то, что еще в XIV-XV вв. монахи Муромского монастыря на Онежском озере высекли христианский крест не только на главном в композиции «Бесова Носа» изображении Беса, но и на находящемся на значительном расстоянии от него изображении лебедя.

Утицы, гуси и лебеди русской народной вышивки, уткообразные притужальники ткацких станов, солоницы, скобкари и братини в форме утки или лебедя, утицы, венчающие крыши домов, крыловидные гусли и гуси-лебеди, утицы народных обрядовых песен — все это свидетельствует об огромной древности и важности этих архаических языческих образов в народном мифо-поэтическом восприятии мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. С. 100, 165.

² Поэзия крестьянских праздников. Л. 1970. С. 56.

³ Б а л а ш о в Д. М. и др. Русская свадьба. М. 1985. С. 261.

⁴ Поэзия крестьянских праздников... С. 322.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 132.

⁷ Русская народная поэзия. Л., 1984. С. 193.

⁸ Там же. С. 268.

⁹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 344, 365.

¹⁰ Там же. С. 342.

¹¹ Чернечев А. В. О декоре купола Большого Сиона 1486 г. СА. №3. 1985. С. 104.

¹² Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 67.

¹³ Там же. С. 68

¹⁴ Там же. С. 68

¹⁵ Там же. С. 61

¹⁶ Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударынского клада с изображением царин // СА. 1979. №1. С. 44.

¹⁷ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. С. 59-60.

18 Там же. С. 63.

19 К о з е н к о в а В. И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. №5. С. 84.

20 Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. М.: Наука, 1982. С. 121.

21 Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефона. СПб., 1893. Т. IX А. С. 923, 934.

22 Там же. Т. XV А. С. 665-666.

23 Фольклор Русского Устья. Л.: Наука, 1986. С. 344.

24 Там же. С. 212.

25 Русская народная поэзия. Л., 1984. С. 240.

M. A. Вавилова

**КРЕСТЬЯНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ
КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(по материалам коллекции А. А. Шустикова)**

Идея изучения фольклора в этнографическом контексте не нова, хотя в практике собирательской и исследовательской работы учитывается далеко не всегда. Зачастую наши представления о характере бытования фольклорных жанров складываются на основании региональных сборников, которые чаще всего демонстрируют методику работы собирателя, его вкусы и пристрастия, но не отражают реальную картину бытования фольклорных жанров, их трансформацию, функциональное назначение.

В этом плане бесценным источником изучения эволюционных процессов в устной поэтической традиции являются фольклорно-этнографические коллекции местных краеведов, работавших по программам Русского географического общества (далее — РГО), «Живой старины», «Этнографического бюро» Тенешева.

Фольклорно-этнографическое собрание кадниковского краеведа А. А. Шустикова (1859-1929 гг.) уникально и неповторимо. Его бесспорная ценность не в большом количестве разнообразного материала¹, а в принципах его освещения: крестьянин по происхождению, большую часть жизни связанный с деревней, он сам был носителем крестьянского фольклорного сознания. Этот факт определяет уровень научного доверия к его материалам и позволяет зафиксировать не просто набор фольклорных жанров, характерных для региона, а